

Борис Алмазов

Никобая
Дана
и

Азовский
Крест

Борис Александрович Алмазов

Пиковая дама и Азовский крест

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69868615

SelfPub; 2023

Аннотация

Очерки об А.С.Пушкине, его произведениях, взаимоотношениях с Николаем первым, Очерк о правнучке поэта леди Майре Баттер

Содержание

«Как к Ныне... »	5
Пиковая дама	9
Дуэль	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Борис Алмазов

Пиковая дама и

Азовский крест

"Пушкин это Ленин сегодня!"

**Из выступления на торжественном вечере,
посвященном 190 летию поэта**

«Как к Ныне... »

– Букашка, вам стихи задавали?

– Угу. Папа, а тебе кто больше нравится: Уитни Хьюстон или Тина Тёрнер?

– Мне – Людмила Зыкина! Стихи выучила?

– Угу. А мне, например, обе нравятся...

– Читай.

– «Как к ныне собирает свои вещи Олег....»

– Стоп, стоп, стоп... Ну –ко, еще раз!

– «Как к ныне собирает свои вещи Олег...»

– Объясни мне, пожалуйста, что это за «вещи», которые собирает Олег и что это за – Олег такой.

– Олег – это князь такой, ну, кабутто, принц.

– А что это за «ныне»?

– Не что, а кто! Ну, это имя такое, что ты, как дурачок? Нына! Ну, Нина! У нас на даче помнишь тоже такая девочка есть – Нина! Он, наверное, в Нину влюбился, и вот собирает свои вещи и уходит к ней жить!

– А дальше?

– А дальше он будет мстить, не разумно, хазарам...

– Не разумно?

– Конечно. Ты же сам говорил, что мстить вредно. Христос сказал: «Мне отмщение и я задам!» Да еще как! «Я вам задам! Ого!» Так что мстить не разумно... Понял?

– Я понял, что ты книжку не открывала.

– Потому что я и так на уроке хорошо слушаю. И все что учительница говорит, сразу запоминаю! Мне и учить ничего не надо! Только чуть- чуть повторяю и все!

История смешная, однако, наводит на серьезные мысли. Жжесь то все понятно и просто: подобное искажение при восприятии "на слух" даже имеет литературоведческое название "оглушка", только вот понимает ли современный ребенок пушкинские строки даже если сам умеет читать?

Недавно в интернете появилась статья с иллюстрациями – младшеклассникам предложили нарисовать иллюстрацию к четверостишью, которое дети заучивали наизусть и с выражением декламировали, понимая сказанное поэтом на уровне своих знаний и представлений.

"Бразды пушистые взрывая, Летит кибитка удалая и тд." Ключевое слово, как теперь учат, "взрывая" – то есть нарисован взрыв, устроенный "браздами", подозревается, что какие то спецназовцы диверсанты. Ключевое слово "летит" – поэтому нарисован некий летательный аппарат и даже подписано "кубитка", разумеется кубической формы, в которой сидим "на каблучке" космонавт – он же ямщик...

Тут, как говориться: можно веселиться, а можно проследиться... Не в этом суть! А мы то, те которые уверены, что знаем произведения А.С. Пушкина, во всяком случае "проходили" в школе, всё понимаем в его произведениях? Например, прервы строки из "Евгения Онегина" – "мой дя-

дя самих честных правил правил, когда не в шутку занемог, он уважать себя заставил и лучше выдумать не мог." Еще в школе я несколько озадачился вопросом: — Каким образом дядя заставил себя уважать? Но с годами вопрос позабылся, пока я не услышал, много лет спустя, в лекции Лотмана, что во времена Пушкина "уважать себя заставил" означало "помер". Тут сразу в первом четверостишии романа в стихах все стало на места. И дальше из той же лекции, которые мы за же в образах видим не то, что написано поэтом. Дядюшка "с ключницей бранился, в окно глядел и мух давил" нашему среднестатистическому современнику представляется весьма тошнотворная картинка. А культуролог объясняет "муха" — самая маленькая рюмочка анисовой водки или ликера, которую можно "раздавить" т.е употребить без закуски — мимоходом. Потому и бранился дядюшка с ключницей у которой были ключи от запертого буфета с настойками и наливками. Строго говоря, к тому "Евгения Онегина" требуются пара томов комментариев. Пушкин, конечно, по словам Аполлона Григорьева

"Наше всё!", но это "всё" было двести лет назад. Стойкая иллюзия, что мы все про Пушкина знаем, что он "наш и свой"... И "все-таки жаль, что нельзя с Александр Сергеевичем поужинать в Яр заскочить хоть на четверть часа" Безусловно, жаль. Вот только не уверенности, что Александр Сергеевич "заскочил" бы в Яр даже с поэтом Булатом Окуджавой. По воспоминаниям инженер-генерала барона Андрея Ива-

новича Дельвига (двоюродного брата друга Пушкина), которому Москва обязана водопроводом, а Россия значительной частью железной дороги, в своих мемуарах нелицеприятно вспоминал: "Пушкин всегда холодно и надменно обращался с людьми мало ему знакомыми, не аристократического круга и с талантами мало известными"

А кроме того, в школе мы читали (если читали , а не "проходили" т.е. в точном значении "проходили мимо" Пушкина "не отчётливо" как говорил один из героев А.П. Чехова. Увы, как заметил Александр Сергеевич Пушкин: "Мы ленивы и нелюбопытны"

Потому время от времени перечитывая, казалось бы, давно известное не только традиционно получаешь удовольствие, но неожиданно каждый раз открываешь что-то неизвестное.

Пиковая дама

У «Пиковой дамы» А.С. Пушкина, опубликованной им 1 марта 1834 года, имевшую большой успех у читающей публики, справедливо признанной критиками одним из выдающихся произведений, где «удивительно слились романтизм и реализм», традиционная «оперная» судьба. При одном упоминании названия маленькой этой повести, тут же в сознании, невольно, как бы, включается музыкальный фон: партии великих теноров: «Прости, Небесное создание, что я нарушил твой покой...», разумеется, сказочный французский романс графини для контральто, и «Уж полночь близится, а Германа все нет...» – разнообразно вошедшего даже в анекдоты. А ведь это все к гениальному произведению великого поэта относится весьма отдаленно! Все это сочинено Модестом Ильичем Чайковским, что с музыкой Петра Ильича Чайковского выросло в блистательное, но фактически, самостоятельное явление русской культуры конца XIX столетия. А.С. Пушкин этого не писал! Для того, чтобы совершить это открытие – достаточно прочесть повесть, которая не входит в школьные программы, и по моим опросам, как это ни удивительно и не прискорбно, даже моими сверстниками, то есть последним «читающим» российским – советским поколением, остается нечитанной!

А зачем читать! Кто же не знает «Пиковую даму» – и по

радио, и по телевидению передают!

Насколько я помню, мы «проходили» Капитанскую дочку и Дубровского, как наиболее полно выражавшие «протест поэта против гнета царского самодержавия». В эту же схему вписывался и «Медный всадник».

В двухтомнике А.С. Пушкина Лениздат 1961 года издания, по которому я готовился к выпускным, в том же году, экзаменам, в комментарии к Пиковой даме говорится: «ПИКОВАЯ ДАМА (стр. 592) Написана в 1833 г. Одно из совершеннейших созданий Пушкина, оказавшее влияние на последующую русскую литературу. Между этой повестью и поэмой «Медный всадник» много общего не только в выборе героя из неимущего, деклассированного дворянства, не только в том, что оба героя, и Евгений и Германн, оказываются раздавленными исторической закономерностью и государственным строем, но и в самом методе изложения. В «Пиковой даме», так же как и в «Медном всаднике», реализм изображения соединяется с высокой поэтикой философских и социально-политических обобщений».

И вот, перечитывая повесть, ровно полвека спустя, (Батюшки! Как быстро!), так, как будто читаю ее впервые, обнаруживаю я в ней столько для себя нового и совершенно непривычного! И такого, что совершенно не вписывалось в государственную идеологию времен моей юности.

Для начала, несчастный Евгений и Германн (именно так, с двумя «н» в окончании) ничего общего, кроме того, что

оба петербуржцы, не имеют. И если Евгений, с очень большой натяжкой, может быть причтен к «деклассированному дворянству» – хотя «деклассированный» в точном понимании, не принадлежащий ни к какому классу... То Германн – то офицер! Оба пушкинских персонажа лишились рассудка, однако, произошло это по диаметрально противоположным причинам.

Евгений, «тронулся разумом» от горя, потеряв любимого человека, унесенного безжалостной стихией, с которой Пушкин, да простят меня почитатели тирана, сравнивает Петра I. Для русского человека любое государство – непреодолимая стихия. Отсюда и безысходная народная мудрость: «От тюрьмы да от сумы не зарекайся!», «Нынче в славе, завтра в канаве!» От этой стихии невозможно уйти как от смерти!

«Куда бы мой Евгений бедный, свои стопы не направлял, за ним повсюду всадник медный с тяжелым грохотом скакал!»

Это русская драма, и это русский человек... А Германн то – немец!

Как там в опере: «Я имени ее не знаю,..» Только не ее, а его! Ее то – Лизавета Ивановна, а вот его имя неизвестно, поскольку Германн – фамилия.

Его национальную принадлежность, Пушкин подчеркивает в первых абзацах повести, предваряя этим исследование немецкого, точнее протестантско – европейского стереотипа мышления и поведения.

«— Германн немец: он расчетлив, вот и всё! — заметил Томский. — А если кто для меня непонятен, так это моя бабушка графиня Анна Федотовна». Кстати, вопрос на запоминание, скажем, для телеигры «Что, где, когда?». Как звали Пиковую даму? Думаю, ответят: «Княгиня Голицына», а это фамилия прототипа! (1.) «Пиковую даму», хотя ее как Пушкин и не называет, «старую графиню» в повести именовали Анна Федотовна.

Пушкин дает развернутую биографию и характеристику Германна:

«Германн был сын обрусевшего немца, оставившего ему маленький капитал. Будучи твердо убежден в необходимости упрочить свою независимость, Германн не касался и процентов, жил одним жалованьем, не позволял себе малейшей прихоти. Впрочем, он был скрытен и честолюбив, и товарищи его редко имели случай посмеяться над его излишней бережливостью. Он имел сильные страсти и огненное воображение, но твердость спасла его от обыкновенных заблуждений молодости. Так, например, будучи в душе игрок, никогда не брал он карты в руки, ибо рассчитал, что его состояние не позволяло ему (как сказывал он) жертвовать необходимым, в надежде приобрести излишнее, — а между тем целые ночи просиживал за карточными столами и следовал с лихорадочным трепетом за различными оборотами игры».

Следует заметить, что современники великого поэта, расценивали немецкий характер совсем не так как, как мы, об-

ладающие опытом XX столетия. Однако, Пушкин разглядел в немце Германне казалось бы немыслимое сочетание сумрачного романтизма и европейской лавочной расчетливости. Дважды упоминает Пушкин внешнее сходство Германна с Наполеоном

«Этот Германн,— продолжал Томский, — лицо истинно романтическое: у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля. Я думаю на его совести, по крайней мере, три злодейства...»

О злодействах чуть позже, вот о внешности еще:

«Утро наступало. Лизавета Ивановна погасила догорающую свечу: бледный свет озарил ее комнату. Она отерла заплаканные глаза и подняла их на Германна: он сидел на окошке, сложа руки и грозно нахмурясь. В этом положении удивительно напоминал он портрет Наполеона. Это сходство поразило даже Лизавету Ивановну».

В русской литературе есть еще один герой похожий на Наполеона — любезный Павел Иванович Чичиков! Тоже — негодяй нераскаянный, как и Германн!

Помилуйте! А как же «О, пожалей, я, умирая, несу к тебе свою мольбу! Взгляни с высот небесных рая, на смертную борьбу души истерзанной мученьем...» Как же любовь к Лизе?!

А Пушкин этого не писал! Это Модест Чайковский сочинил! Германн Пушкина никакой любви ни к кому не испытывает! Вероятно, он на это чувство и не способен. Его бог

– расчет! Не случайно, по ВУС, говоря языком современным, по военно-учетной специальности он – военный инженер. Его боевая задача – готовить театр военных действий – обустроить поле боя, но в самих-то сражениях не участвовать! Грубо говоря – стройбат!

Его драма в мистическом столкновении собственного точного расчета и романтической страстности, коей он обуравим в жажде ее достижения, а в результате – сатанинская ирония финала.

Однако, если в опере Чайковского, влюбленного Германа даже жалко, то в повести жалеть его не за что!

Кстати, в программках он пишется с одним «н». Справедливо! Это совершенно иной, чем у Пушкина персонаж. У Александра Сергеевича – отпетый негодяй, не имеющий даже в самых сокровенных своих помышлениях и тени человеческих чувств.

«Анекдот о трех картах сильно подействовал на его воображение и целую ночь не выходил из его головы. «Что если, – думал он на другой день вечером, бродя по Петербургу, – что если старая графиня откроет мне свою тайну! – или назначит мне эти три верные карты! Почему ж не попробовать своего счастья?.. Представиться ей, подбиться в ее милость, – пожалуй, сделаться ее любовником, (Ого!... прим. Б.А.) – но на это всё требуется время – а ей восемьдесят семь лет, – она может умереть через неделю, – через два дня!.. Да и самый анекдот?.. Можно ли ему верить?.. Нет! расчет,

умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты, вот что утроит, усмерит мой капитал и доставит мне покой и независимость!»

Под окно Лизаветы Ивановны, он попал почти случайно, если не верить, что привел его сатана.

А вот не случайно, три карты смутно мерцают в его рассуждении «тройка, семерка, туз» – покой и независимость. (Кстати, сосчитал: тройка, семерка и туз (11 очков) в сумме – классическое двадцать одно! Очко!)

Явившись под окна старой графини (2), Германн случайно увидел в окошке Лизавету Ивановну «И эта минута решила его участь»

Расчетливо, он принимается «атаковать» бедную девушку письмами. Первое писано по-немецки. «Письмо содержало в себе признание в любви: оно было нежно, почтительно и слово в слово взято из немецкого романа. Но Лизавета Ивановна по-немецки не умела и была им очень довольна».

Далее роман идет по как по нотам, по тогдашним образцам, почерпнутым из модных романов. Примерно, как сегодня образцы для подражания поставляют телесериалы.

Бедненькая Лизавета Ивановна летит как мотылек на огонь. Но пламень, сжигающий душу Германна не любовного свойства. «Германн трепетал, как тигр, ожидая назначенного часа». Как это не оскорбительно для Лизы – Германн даже не соблазнитель. Нигде ни словом не упомянуто, что он как то связывал свою судьбу с судьбою Лизаветы Ивановны.

Она совершенно отсутствовала в его планах в любом качестве. И действительность быстро отрезвляет простодушную барышню.

«Лизавета Ивановна выслушала его с ужасом. Итак, эти страстные письма, эти пламенные требования, это дерзкое, упорное преследование, всё это было не любовь! Деньги, – вот чего алкала его душа! Не она могла утолить его желания и осчастливить его! Бедная воспитанница была не что иное, как слепая помощница разбойника, убийцы старой ее благодетельницы!.. Горько заплакала она в позднем, мучительном своем раскаянии. Германн смотрел на нее молча: сердце его также терзалось, но ни слёзы бедной девушки, ни удивительная прелесть ее горести не тревожили суровой души его. Он не чувствовал угрызения совести при мысли о мертвой старухе. Одно его ужасало: невозвратная потеря тайны, от которой ожидал обогащения.

– Вы чудовище! – сказала, наконец, Лизавета Ивановна».

Гениальный Пушкин! Одним штрихом, он обнадеживает нас – в отличие, от Германа, бедная Лизавета Ивановна – живой человек. «Я думала провести вас по потаенной лестнице, но надобно идти мимо спальни, а я боюсь!» Бог не допустит ее гибели! Он спасет ее, как спасает невинных детей. А ее любовь к Германну прошла, да ее собственно и не было – была дань времени, девичий протест униженному состоянию, в общем, все как у барышень обычно случается... И, слава Богу, бесследно проходит.

Германн же остановился, и долго смотрел на мертвую графиню «как бы желая удостовериться в ужасной истине» Он даже и покойников не боится! Ну, просто современный «продвинутый мэн».

Не дрогнувшей рукой Пушкин препарирует характер Германна, и срез этой души оказывается чрезвычайно созвучен нашему времени.

«Не чувствуя раскаяния, он не мог, однако, совершенно заглушить голос совести, твердившей ему: ты убийца старухи! Имея мало истинной веры, он имел множество предрассудков. Он верил, что мертвая графиня могла иметь вредное влияние на его жизнь, и решился явиться на ее похороны, чтобы испросить у ней прощения».

Даже, когда, как ему показалось и покойница, лежащая в гробу, насмешливо взглянула на него одним глазом, и он грохнулся в обморок – в душе его не затеплилось и тени раскаяния.

Может быть, попытайся он выпросить прощение у Лизаветы Ивановны, может быть, попытайся выполнить требование мертвой графини «Жениться на ее воспитаннице», не явилась бы она грозной Пиковой дамой в отчаянной его игре, ведь срабатывал же этот секрет несколько раз прежде!

Ничего этого нет! «Тройка, семерка туз – скоро заслонили в воображении Германна образ мертвой старухи. Тройка семерка туз – не выходили из его головы и шевелились на его губах»...

Уже поминаемый мною прежде умница и философ Александр Иванович Семочкин, тот самый, который восстановил Домик станционного зрителя, на мой взгляд, один из глубочайших в понимании читателей А.С. Пушкина, сказал, защищая нобелеанта Набокова, музей которого в его родовом поместье в селе Рождествено тогда создавал.

– Набоков абсолютно чистый и нравственный человек, не следует отождествлять писателя с его героями, и паче того искать в нем пороки, которые он изучает. Его Лолита – завершение исследования характеров негодяев, чем русская литература занялась с легкой руки Пушкина. Он первым пустил в русскую литературу нераскаянных злодеев.

Я помню, даже вздрогнул, услышав такую трактовку, и, по размышлении, полностью с нею согласился, правда, с небольшим дополнением.

Первый нераскаянный убийца – Евгений Онегин. Но роман не окончен! И неизвестно чем, каким стал бы Евгений, доживи он хотя бы до 37 лет, как его автор. Сам Александр Сергеевич, по собственному признанию, был «афей», то есть атеист. Однако, был, да перестал... Ставши героем драмы собственной жизни, как большинство великих русских поэтов, и эту горькую традицию, то же заложил Пушкин, умирает то он как истинный православный христианин.

«прежде всего, старался не испугать жены, потом постарался узнать правду от докторов, послал к государю просить прощения для своего секунданта, исповедовался, при-

общился, благословил детей, просил не мстить за него, простился с друзьями и книгами, перемогал ужаснейшие физические страдания и утешал, сколько мог, жену. Он скончался в 3-м часу пополудни 28 января 1837 г.» (3)

В русской литературе есть и еще один убийца Родион Раскольников, прикончивший «никчемную старуху» кстати, невинную жертву в великом романе Преступление и наказание зовут Лизавете. Совпадение ли?

На моей памяти нет исследования, в котором бы прослеживалась преемственность исследования начатого Пушкиным. А она, по-моему, бесспорно, есть! Только вот Раскольников – хоть и продукт европейского образования, а характер-то, совершенно, русский, заканчивая его всенародным покаянием на Сенной площади.

Германн – являет собою многое, что чудовищными плодами прорастет в XX столетии. К сожалению, миру очень хорошо известна эта романтическая одержимость идеей. Это отсутствие Бога в душе, на место которого поставлена личная польза, а проще выгода. Следование к предначертанной, спроектированной цели любой ценой и во что бы то ни стало.

Иногда мне кажется, что имя Германна – Адольф. Тоже кстати мнил себя Наполеоном и досужие почитатели ухитрились обнаружить сходство. Пушкин, безусловно, не Нострадамус или Ванга, он просто первым увидел национальный стереотип, в те времена, когда, о том какие химеры породит «сумрачный германский гений» и страшных не мнилось, а

немецкий язык, по словам И.С. Тургенева «наиболее подходит для слов любви».

Катастрофа, постигшая, все рассчитавшего, все предусмотревшего, но, однако, в силу национального стереотипа мышления, конкретно, немецкого «готического» романтизма, поверившего призраку, немца, какая то совершенно русская. Даже, пожалуй, азиатская! Как представляют азиатское коварство европейцы.

"Восток есть восток, а запад, есть запад и с места они не сойдут!" Скажет спустя столетие Киплинг, прекрасно разбиравшийся в национальных стереотипах поведения европейцев и азиатов.

О том же в Епифановских шлюзах напишет Андрей Платонов.

О том же и наша действительность, когда ни одна европейская, казалась бы продуманная схема, на российской почве не срабатывает, либо дает чудовищные плоды, вроде возросшего на немецком марксизме российского большевизма.

Потому как есть нечто... Пустяковина какая-нибудь ненужная, вроде угрызений совести, вроде устаревшего и списанного за ненадобностью понятия «порядочность», я уж не говорю о Православной вере,.. Ну, что они против всемогущей выгоды!

А вот нет их и в последнюю минуту, предвещающую торжество, вместо туза, сулящего
вожделенную удачу, является сатанинский профиль пи-

ковой дамы.... И все прахом! Как тут умом не повредиться с досады!

А Лизавета Ивановна, которую так великодушно утопил в Зимней канавке Модест Чайковский, у Пушкина-то осталась, вполне, благополучна. Ну, погоревала, поплакала, посоветовала на свое простодушие, но простые то души Господь бережет. И кончается повесть полным мирским хеппи-эндом, ну, просто, как в Золушке. «Лизавета Ивановна вышла замуж за очень любезного молодого человека, он, где то служит и имеет порядочное состояние: он сын бывшего управителя у старой графини. У Лизаветы Ивановны воспитывается бедная родственница».

В общем, небеса не разверзлись, мир не рухнул и довольно банальная трагедия любви, которую исполняют в опере, не произошла. В повести все гораздо обыденнее и проще. Правда, повесть в тридцать страничек – великая повесть, как говорится, на все времена.

P.S.

Одна моя юная читательница, ознакомившись со статьей, заметила, что они теперь в школе «Пиковую даму», вот именно что, проходят, потому что в этой повести Пушкин борется с игроманией и прочей наркотической зависимостью.

Что поделаешь, веяние времени. Во времена моего детства он боролся с царизмом, теперь вот тоже без работы не сидит! Бедный Пушкин! Вернее, бедные дети, которые его

«проходят». Но, я надеюсь и верю, придет время – еще и прочитают!

Дуэль

«Сто семьдесят четыре года тому назад произошла роковая дуэль.

Кавалергард Дантес вызвал юнкера Пушкина...»

Новости. 5 канал 8 февраля 2011 г. 20.25.

Я чуть в обморок не упал! Это не оговорка! Это махровая дичайшая безграмотность, которая наползает на Россию как дерьмо из деревенского сортира, куда местная шпана насыпала пивных дрожжей. Надо же такое сказать! Мадам диктор не ужаснулась, редактор не подавился сигаретой... Все «на голубом глазу», без тени сомнения в голосе.

Не знаю как сегодня, когда похоже реформа образования, начатая экзаменом на три буквы «ЕГЭ» скоро доведет школьную программу до одного профилирующего предмета – физкультуры, а все остальное факультативно и за деньги, но в мои школьные годы любой пятиклассник знал историю дуэли Дантеса и Пушкина как собственную биографию. Для нынешнего читателя оказывается нужно ее повторить. Цитирую Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.

«В петербургском большом свете, куда Пушкин вступил после женитьбы, он и жена его были "в моде": жена – за красоту и изящество манер, он – за ум и талант. Но их не любили и охотно распространяли о них самые ядовитые сплетни. Даже кроткая Наталья Николаевна возбуждала злую за-

висть и клеветы (см. письмо П. к П. А. Осиповой, № 435); еще сильнее ненавидели самого Пушкина, прошлое которого иные находили сомнительным, а другие – прямо ужасным, и характер которого, и прежде не отличавшийся сдержанностью, теперь, под влиянием тяжелого и часто ложного положения (он должен был представляться богаче, чем был в действительности), бывал резок до крайности. Его агрессивное самолюбие, его злые характеристики, некоторые его стихотворения ("Моя родословная", "На выздоровление Лукулла" и пр.) возбуждали к нему скрытую, но непримиримую злобу очень влиятельных и ловких людей, искусно раздувавших общее к нему недоброжелательство. Пушкин чувствовал его на каждом шагу, раздражался им и часто сам искал случая сорвать на ком-нибудь свое негодование, чтобы навести страх на остальных.

4 ноября 1836 г. Пушкин получил три экземпляра анонимного послания, заносившего его в орден рогоносцев и, как он был убежден, намекавшего на настойчивые ухаживания за его женой кавалергардского поручика барона Дантеса, красивого и ловкого иностранца, принятого в русскую службу и усыновленного голландским посланником, бароном Геккереном. Пушкин давно уже замечал эти ухаживания (письмо № 477) и воспользовался получением пасквиля, чтобы вмешаться в дело. Он отказал Дантесу от дому, причем Дантес играл роль такую "жалкую", что некоторое сочувствие, которое, может быть, питала Наталья Николаев-

на к столь "возвышенной страсти" – сочувствие, старательно подогревавшееся бароном Геккереном, – потухло в "заслуженном презрении".

Так как сплетни не прекращались, то Пушкин вызвал Дантеса на дуэль; тот принял вызов, но через барона Геккерена (см. письмо № 477; ср. "Воспоминания" графа В. Д. Сологуба, М., 1866, стр. 49) просил отсрочки на 15 дней. В продолжение этого времени Пушкин узнал, что Дантес сделал предложение его свояченице (4) Е. Н. Гончаровой – и взял свой вызов назад.

Свадьба произошла 10 января 1837 г.; друзья Пушкина успокоились, считая дело поконченным. Но излишние и со стороны иных злостные старания сблизить новых родственников снова все испортили: Пушкин очень резко выражал свое презрение Дантесу, который продолжал встречаться с Натальей Николаевной и говорить ей любезности, и Геккерену, который усиленно интриговал против него. Сплетни не прекращались. Выведенный окончательно из терпения, Пушкин послал Геккерену крайне оскорбительное письмо, на которое тот отвечал вызовом от имени Дантеса. Дуэль произошла 27 января, в 5-м часу вечера, на Черной речке, при секундантах: секретаре французского посольства д'Аршиаке (со стороны Дантеса) и лицейском товарище Пушкина, Данзасе.

Дантес выстрелил первым и смертельно ранил Пушкина в правую сторону живота; Пушкин упал, но потом припод-

нялся на руку, подозвал Дантеса к барьеру, прицелился, выстрелил и закричал: браво! когда увидел, что противник его упал.

Но, почувствовав опасность своего положения, Пушкин опять стал добрым и сердечным человеком: прежде всего, старался не испугать жены, потом постарался узнать правду от докторов, послал к государю просить прощения для своего секунданта, исповедовался, приобщился, благословил детей, просил не мстить за него, простился с друзьями и книгами, перемогал ужаснейшие физические страдания и утешал, сколько мог, жену. Он скончался в 3-м часу пополудни 28 января 1837 г. Его отпевали в придворной конюшенной церкви, после чего А. И. Тургенев отвез его тело для погребения в Святогорский монастырь, близ Михайловского».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.